

УДК 94(477.75) «1941 /1945»

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.22791879](https://doi.org/10.5281/ZENODO.22791879)

**ДНЕВНИК КУРСАНТА УЧЕБНОГО ОТРЯДА ПОДВОДНОГО
ПЛАВАНИЯ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА 1941–1942 гг.:
ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Постникова Е. Г.

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Российская Федерация
E-mail: ekaterinapost@mail.ru*

Иванов А. Г.

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Российская Федерация
E-mail: a-ivanov79@mail.ru*

Проведено историко-антропологическое исследование дневника 1941–1942 гг. курсанта Учебного отряда подводного плавания Тихоокеанского флота Г. И. Сенникова в аспекте проблемы личностной, гендерной и профессиональной самоидентификации молодого подводника в условиях начала Великой Отечественной войны. Научная новизна исследования заключается в том, что в научный оборот вводится новый источник, не опубликованный ранее дневник 1941–1942 гг. штурманского электрика Г. И. Сенникова, который велся во время обучения в школе подводного плавания. Исследование будет проведено в аспектах военно-исторической антропологии и антропологии профессий с подключением исторического биографического метода. В результате показано, что одна из важнейших функций ведения дневника – реализация задачи, стоящей перед бойцом в экстремальных условиях войны – собрать свою личность, не дать ей рассыпаться. Рассказывая себе о себе, самовыражаясь, молодой человек создавал свою личность. В дневнике курсанта военный дневник сочетается с жанром дневника процесса индивидуализации, главная цель которого – самоидентификация, поиск своей идентичности, индивидуальности («кто я»), в том числе и через самоидентификацию с литературными героями, гендерная самоидентификация («Я – мужчина»), идентификация с профессией («Я – подводник»).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Тихоокеанский флот, подводники, фронтовой дневник, Учебный отряд подводного плавания Тихоокеанского флота, Сенников Г. И., Владивосток.

История подводных сил Тихоокеанского флота на данном этапе нуждается в дополнительных исследованиях. Современные научные публикации посвящены выделению этапов развития ТОФ со времен Российской империи до распада СССР [16]. Изучается действие подводного флота ТОФ в войне с Японией [6; 12], переход подводных лодок ТОФ на Северный флот в годы ВОВ [5], боевой опыт и вклад в укрепление обороноспособности страны легендарных подводников ТОФ, например, контр-адмирала К. О. Осипова [7]. Особенно активно исследуется история ядерного подводного флота СССР [16; 17].

Об Учебном отряде подводного плавания Тихоокеанского флота написано немного, и исследования, на наш взгляд, не имели системного характера. Известно, что датой рождения Учебного отряда подводного плавания в г. Владивостоке считается 20 октября 1938 года. Именно в этот день здесь начались первые занятия. Школа подводного плавания была рассчитана на 750 человек, а подготовки младшего начальствующего состава (командиров отделений) – на 250. За годы Великой Отечественной Учебный отряд подводного плавания подготовил 6100 специалистов для подводных лодок, надводных кораблей и частей флота, в том числе 325 командиров отделений и 362 офицера-подводника. В числе выпускников курсов командного состава подводного плавания числятся такие командиры стальных кораблей, как Борис Алексеев, Максим Хомяков, Григорий Щедрин, удостоенные высокого звания Героя Советского Союза [24].

К сожалению, серьезного военно-исторического исследования в аспекте антропологии и психологии, объектом которого стала бы история становления «человека на войне», проблема формирования личности и самоидентификации юных курсантов-подводников ТОФ в годы Великой Отечественной войны, до сих пор предпринято не было. Благоприятным материалом, позволяющим провести исследование в русле военно-исторической антропологии и психологии комбатантов, являются эго-документы участников Великой Отечественной войны: письма, дневники, фотографии, воспоминания, мемуары.

Как отмечают современные российские исследователи, «эго-свидетельства» не столько запечатлевают исторические события, сколько создают их ощущение, «заполнив лакуны официоза и обретя ту самую самость, которая позволила повысить их статус среди прочих свидетельств прошлого» [24, с. 6]. В качестве основных свойств «эго-документов» выделяются субъективность, ретроспективность и документальность. Каждое из этих свойств по-разному выражается в отдельных разновидностях эго-текстов: дневниках, письмах, автобиографиях, мемуарах. В современных общественных науках изменилась точка зрения на «субъективность» личностно-ориентированных материалов. Если в советской исторической науке за источниками личного происхождения закрепился своеобразный «комплекс неполноценности», выражающийся в отношении к «авто-текстам» как к вторичным, вспомогательным, дополнительным, недостоверным и сомнительным в силу их субъективности, то в современной историографии источники личного происхождения не рассматриваются как второстепенные носители исторической информации. «Все, что исходит непосредственно от человека, от его действий, поступков, мыслей и чувств, обладает непосредственным преимуществом, например, перед законами, нормативно-распорядительными документами, перед официальной трактовкой тех или иных событий в печати», – отмечает А. К. Соколов [21, с. 283]. Эту специфику современного подхода к эго-документам подчеркивает Сергей Кодан: «Субъективность не только не является их недостатком и не препятствует их использованию как исторических источников, но и повышает их ценность как носителей информации в контексте возможности рассмотрения более широкого спектра вопросов» [9, с. 8].

Исследователи отмечают, что из всех видов источников личного происхождения (дневников, писем, мемуаров, автобиографий) именно дневникам присущ самый низкий уровень субъективности. «Дневники, очевидно, выигрывают у воспоминаний в достоверности, поскольку им в гораздо меньшей степени свойственны ошибки памяти», – утверждает Ирина Тажикина [23, с. 156]. Документальность дневниковых записей обусловлена тем, что они ведутся чаще всего синхронно описываемым событиям, «вслед за жизнью», иногда с небольшой отсрочкой. Точная хронологическая фиксация событий, указание времени и места, отношение автора к событию как уже происшедшему создает определенную ретроспективность дневника.

Современной исторической наукой вырабатываются методологические подходы к исследованию эго-документов. Елена Сенинская обосновала продуктивность применения для изучения эго-документов историко-психологического подхода, который «позволяет раскрыть мысли, чувства, механизмы поведения людей в экстремальных военных условиях» [19, с. 11]. Исследователь доказала эффективность историко-антропологического подхода, который «дает возможность комплексно изучать «человеческий ресурс войны, включая ценностный и социально-культурный аспекты» [19, с. 11]. Очень продуктивным для исследования документов личного происхождения оказался метод психологического реконструирования (переживания), то есть «интерпретация исторических текстов путем воссоздания внутреннего мира их автора, проникновения в ту историческую атмосферу, в которой они возникали, с максимальным приближением к конкретной психологической ситуации» [20, с. 4].

Писатель-фронтовик, штурманский электрик ПЛ «М-107» и «М-119» Георгий Иванович Сенников всю жизнь вел дневники. Сохранились фронтовые военные и послевоенные дневники, которые он вел с 1943 г. по 1946 г. Эго-документы матроса-подводника Северного флота Георгия Ивановича Сенникова являются уникальными, практически неподцензурными источниками для историко-антропологических исследований, посвященных Великой Отечественной войне. В 2021 г. фронтовой и послевоенный дневники Георгия Ивановича, а также его повести и рассказы были опубликованы в двухтомнике «Мы – подводники» [14; 15]. В 2024 г. был обнаружен еще не изданный дневник курсанта школы подводного плавания, который Георгий Иванович вел с ноября 1941 г. по май 1942 г. в г. Владивосток [1].

Известно, что выпуск Учебного отряда ТОФ грозного 1941 года в полном составе ушел на фронт. В исследованиях фиксируется: «308 воспитанников отряда, сражавшихся в битве под Москвой в составе 71-й отдельной морской стрелковой бригады, получили звания гвардейцев, многие из них были награждены орденами и медалями» [11]. Таким образом, Георгий Иванович Сенников относится ко второму военному выпуску, поступившему в Учебный отряд ТОФ в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны и закончившему школу подводного плавания в июне 1942 г. О судьбе курсантов этого выпуска известно не так много, военные дневники Г. И. Сенникова могут существенно расширить наше представление об этом легендарном поколении и его вкладе в Победу.

Цель статьи – провести историко-антропологическое исследование дневника курсанта Учебного отряда подводного плавания Тихоокеанского флота Г. И. Сенникова 1941–1942 гг. в аспекте проблемы личностной, гендерной и профессиональной самоидентификации молодого подводника в условиях начала Великой Отечественной войны.

Актуальность статьи обусловлена тем, что историко-антропологическое и историко-психологическое исследование новых эго-документов является важнейшим ресурсом для понимания современности и социального прогнозирования.

Научная новизна исследования заключается в том, что в научный оборот вводится новый источник – дневник 1941–1942 гг. курсанта Учебного отряда подводного плавания Тихоокеанского флота Сенникова Георгия Ивановича.

Георгий Иванович Сенников (29.04.1923 – 22.06.1987) является потомком рода сибирских казаков Катанаевых. Его двоюродный дед – знаменитая в г. Омск личность – известный историк, этнограф, географ, Председатель Сибирского отделения Императорского географического общества, генерал-лейтенант Сибирского казачьего войска, автор книг по истории сибирского казачества, истории Сибири и Омска. Дед Георгия Ивановича Всеволод Ефремович Катанаев, родной брат Георгия Ефремовича, был надворным советником и до отставки в 1908 г. работал в Войсковом Хозяйственном правлении Сибирского Казачьего войска. Так как вся семья Катанаевых (семь родных и двоюродных дядей Георгия Ивановича) были участниками белого движения под предводительством Колчака, судьба семьи сложилась трагично. Те, кто не погиб в гражданскую, были репрессированы в 1938 году [8, с. 242–244], в том числе и родители Георгия Ивановича. Он остался на попечении старшего брата Алексея Ивановича Сенникова, учителя русского языка и литературы, основателя и первого директора школы в поселке Тевриз на севере Омской области. В 1940-м году брата Алексея забрали на финскую войну. Погиб Алексей в июле 1941 г. под г. Псковом [15, с. 6]. Георгий остался сиротой. 1940-ой довоенный год он вспоминал как самый страшный год своей жизни, когда он в буквальном смысле слова голодал, выживал, но закончил школу [15, с. 60].

В этой связи особенно важно подчеркнуть, что несмотря на трагедию семьи – почти полное уничтожение казачьего рода Катанаевых и смерть родителей – у Георгия Ивановича не возникло никаких вопросов относительно того, стоит ли идти защищать Родину, не появилось соблазна спрятаться и пересидеть это сложное время где-нибудь в Сибирской тайге. Об этом красноречиво говорит и первая запись в военном билете – 26 июня 1941 г., и запись в обнаруженном нами эго-документе – дневнике курсанта Учебного отряда подводного плавания ТОФ, где Георгий Иванович вспоминает первые дни войны.

Приведем здесь первые два абзаца дневника курсанта. Они, на наш взгляд, очень важны, так как именно в них заданы два направления, два вектора всех последующих фронтовых дневников подводника Г. И. Сенникова: самоидентификация и война. Самоидентификация человека на войне как главная

тема эго-документов подводника Г. И. Сенникова обнаруживается уже в первом абзаце первого военного дневника:

«13 ноября 1941 г. Владивосток. Месяца два тому назад я уничтожил свой дневник, решил оставить наконец свой уютный мирок, но оказалось, что я просто не могу обходиться без этого, особенно в такую минуту, когда я стал чужим самому себе. Кроме того, я нашел вчера в парте ушедшего на фронт товарища коробку писем, которые он писал тогда своей девушке. Я прочитал их и теперь, *погрузившись на миг в мир личной жизни, я не могу не писать*» [1, с. 1].

Будучи натурой творческой, юный подводник Г. И. Сенников испытывал настоятельную необходимость в самовыражении («Я не могу не писать»). И в любви к эпистолярному жанру, как мы видим, среди товарищей-курсантов он был не одинок («я нашел вчера в парте ушедшего на фронт товарища...»). Процесс письма был для него столь же органичен и жизненно необходим, как дыхание. Эту ключевую функцию дневника – возможность самовыражения – он воспринимал не как хобби, а как обязательное условие собственной реализации, как устоявшуюся модель поведения и способ созидания собственной жизни.

Рис.1. Курсанты Учебного отряда подводного плавания Тихоокеанского флота. Сенников Г. И. второй слева. Владивосток, 1941 г.

Конструирование «своего мира» («своего уютного мирка»), обустройство личного внутреннего пространства – вот та важнейшая психологическая задача, которую решал дневник для молодого бойца, проходившего этап духовного становления. Для юного матроса ведение дневника становится способом в

гигантском, лишенном упорядоченности внешнем мире отстоять свою «собственную» территорию, ощутить свою «отдельность», «инаковость» и неповторимость, утвердить свое «Я».

Итак, дневник Г. И. Сенникова можно отнести к *типу дневников периода индивидуализации* (согласно классификации О. Г. Егорова – [3]). Процесс индивидуализации, психологического взросления личности проходил в условиях войны. Жанр дневника Георгия Ивановича можно определить как «*военный*» *дневник*. Тема войны задана уже во втором абзаце дневника. Стилль этой записи выдает влияние на мировоззрение автора занятий по политической подготовке, проводимых в Учебном отряде ТОФ, и публицистический пафос советских газет 1941 г.:

«Мир залит огнем второй империалистической войны. Каждый день умирают тысячи людей! Стираются с лица земли селения, разрушаются города. По Европе, как призрак смерти, прошли полчища гитлеровской нечисти. Франция, Бельгия, Голландия, Дания, Норвегия, Польша, Греция, Чехословакия, Югославия, Австрия... Миллионы людей превратились в рабов, тысячи гибнут от эпидемий, от голода, тысячи расстреливаются, вешаются, гибнут в застенках от пыток инквизиторов XX века. Дикая расовая теория. Вся мерзость скрещивания людей, как собак. Это похоже на кошмарный сон» [1, с. 2].

Уникальность военного дневника курсанта-подводника Георгия Сенникова заключается в соединении указанных типа и жанра (дневник процесса индивидуализации и военный дневник). Георгий Иванович впервые рассказывает, как он встретил 22 июня 1941 г.: *«22 июня 1941 г. Я в это время был в Тевризе. Только что для меня окончилась трудная пора сдачи экзаменов за десятилетку. Целый месяц я работал как лошадь, не досыпал, не доедал (как всегда), корпел над книгами. Правда, после этого я вознаграждал себя сторицей – средним образованием, но тем не менее я зверски устал от всего этого, от бродяжничества, от вечных голодовок. Мне просто мучительно хотелось пожить так, как живут люди, устроиться на работу, снять отдельную комнату и жить, ни от кого не завися.*

Еще во время испытаний мы с Алешкой составили план нашей дальнейшей совместной жизни. Сразу же после выпускного вечера я начал работать в редакции районной газеты в качестве корректора-секретаря! Работа интриговала меня, и я ушел в первую же неделю влезть в нее с головой. Но недолго мне пришлось редактировать чужие письма. Началась война. Алешка, так и не устроившийся на работу и пробивавшийся случайными работами на пристани, сразу же подал заявление о добровольном уходе на фронт. За ним подался и я.

Вскоре весь наш класс был отправлен в соседний город Тара на медицинскую комиссию, для отбора в авиаучилище. А чтобы достать деньги на дорогу, мы целую ночь грузили с Алешкой баржу на пристани. Деньги мы заработали, но заработали и временное нарушение кровообращения, из-за которого не попали в армию! С этого момента я опять очутился в своей обычной обстановке – безвыходном положении. Денег нет, с работы из-за армии уволили и на другую не принимают. Благо, что было лето, не имея над головой крыши, я мог бы так и загнуться. Полмесяца я

таскался по деревьям, валялся на траве, читал и ждал известий из РВК. Получил я их 23 июля, а 24-го уже двигался на пароходе к Омску. Меня призвали» [1, с. 3].

Георгий Иванович попал во Владивосток в Учебный отряд подводного плавания ТОФ. В дневнике подводник много пишет о Владивостоке как о городе своей мечты, городе из сна:

«10 августа я первый раз в жизни увидел море. Владивосток.

Как я когда-то желал видеть этот город. Севка бывал в нем однажды и потом рассказывал чудеса о веселости моряков, о женщинах, о странных запахах моря. Слушал затаив дыхание, а потом мечтал когда-нибудь собственными глазами увидеть океан. И вот...10 августа нас ссадили под Владивостоком, на берегу Амурского залива. Три дня мы жили в экипаже, таскали камни, рыли землю, любовались морем и ждали окончательных комиссий. (...). В тот же день вечером мы шагали по улицам Владивостока к себе в школу. Я, не переставая, задираю голову, пожирая глазами высокие красивые здания, парки, бульвары, террасами поднимающиеся на гору и думал: *где я уже видел этот город? Потом вспомнил: город моего сна, город таинственности и загадочности, который я увидел однажды и о котором думал постоянно потом*» [1, с. 5].

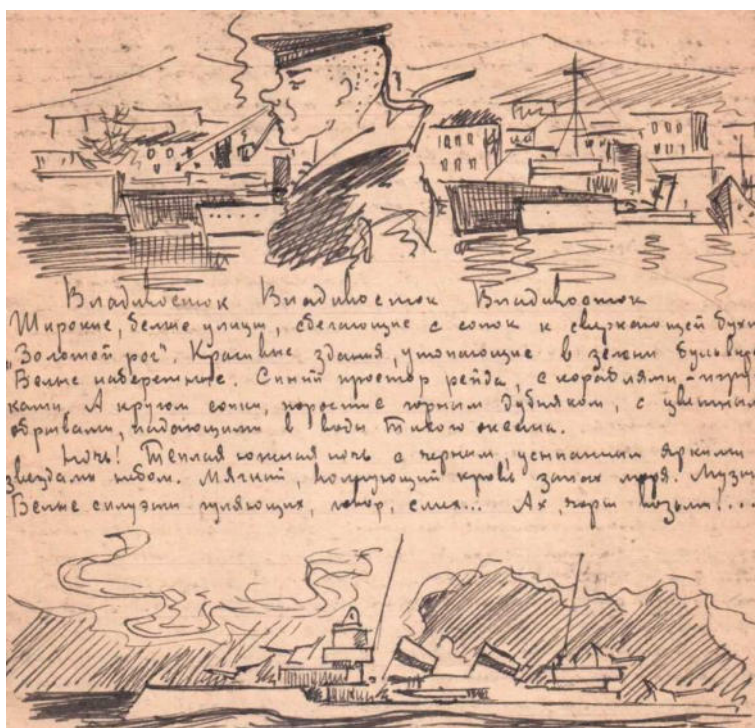

Рис. 2. Страница 5 из дневника 1941–1942 гг. курсанта Учебного отряда
подводного плавания тихоокеанского флота Г. И. Сенникова

В своем понимании идентичности мы будем опираться на выводы современных исследователей, понимающих идентичность как самоопределение индивида, Я-концепцию, самость [13, с. 81], а самоидентификацию как процесс самоактуализации личностью своих созидательных возможностей, и в то же время процесс самооценки личностью себя: «Личность, превращая саму себя в предмет наблюдения, познания и оценки и практического преобразования, обнаруживает свою адекватность-неадекватность собственному идеалу, условиям своего внешнего социального бытия (...), представлениям о сущности человеческого существования» [4, с. 175–176].

Процесс самоидентификации молодого подводника, который можно отследить по дневникам курсанта, включает несколько составляющих:

- идентификация личностная (кто я?), в том числе и через литературных героев;
- идентификация гендерная (Я – мужчина);
- идентификация профессиональная (Я – подводник).

Первая тема дневника процесса самоидентификации – «кто я?», «какой я?». Исследователи отмечают, что у большинства дневниковедов создание системы нравственных норм и выработка ценностей сопровождаются беспощадной критикой собственных недостатков [3, с. 19]. Жесткая самокритика – это характерная черта дневников процесса индивидуализации. Не щадя себя, юный подводник в военном дневнике описывает ситуации, за которые ему «было стыдно», где он не справлялся со своими эмоциями, был недоволен собой, то есть обнаруживал свое несоответствие идеалу.

«Сегодня мне вlepили трое суток губы за пулемет. У-у-у.

Я запутываюсь во всей массе мыслей, определений, учений. Не могу остановиться сегодня ни на чем! Сегодня я увлекаюсь одним, завтра противоположным. *Я соглашаюсь с людьми. Это плохо!*

Мальчишеский бред. Я до сих пор не могу освободиться от него. Иногда я чувствую себя выше других, чаще же ниже этих самых. Мне бы хотелось, чтобы мою голову не разрывал весь этот сонм мыслей, чтобы я был самым обычным человеком, как С. Ш...М..., которые ни о чем не думают, а делают только то, что велят. Я много читал, но читал не так, как нужно. *Нахватался поверхностных знаний, а на чем-нибудь определенном не остановился до сих пор.* Колька – художник. Это вся его жизнь. З. любит математику. В конце концов он будет инженером. Но я не могу быть ни тем, ни другим. Я рисую, но это так, между прочим, несерьезно. Математику я не люблю и не знаю...*Вот и получается ерунда! Научи мен, Боже!*» [1, с. 11–12].

В заметках Г. И. Сенникова находит отражение процесс идентификации и сопоставления себя с литературными героями (самоидентификация через героев книг). Во время чтения происходит слияние личности читающего с литературным героем: человек вычлeняет черты его характера, манеру поведения, специфику реакции, способы взаимодействия с окружающими, особенности речи, ценности и идеалы.

Рис.3. Страницы 6–7 из дневника 1941–1942 гг. курсанта Учебного отряда подводного плавания Тихоокеанского флота Г. И. Сенникова

На войне Георгий Иванович много читал. Обратим внимание, как выглядят страницы его дневника: вот рядом с рисунком подводной лодки выписки из Данте и рассуждения о Мефистофеле (голова Мефистофеля), а на другой странице ария Мефистофеля – рядом со схемой электрической цепи. На первой странице дневника Сенников составляет список книг, которые планирует прочитать. Он насчитывает 23 наименования.

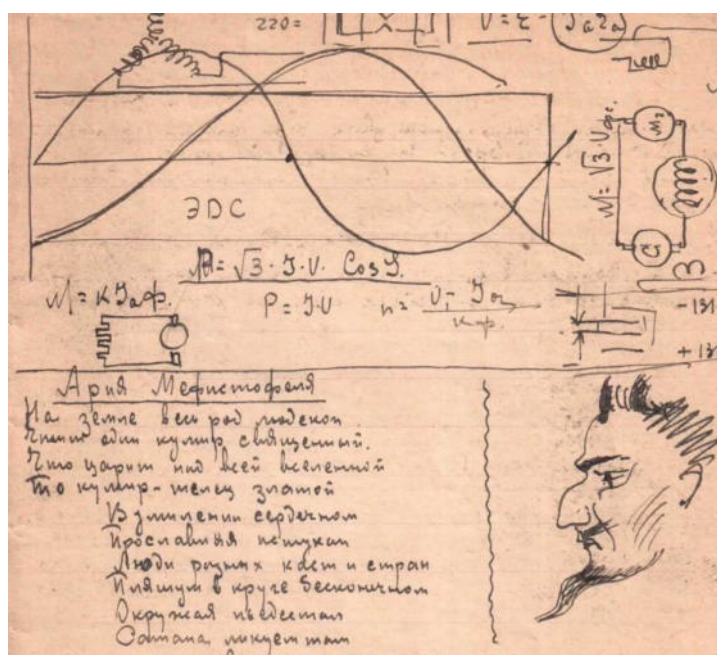

Рис.4. Страница 9 из дневника 1941–1942 гг. курсанта Учебного отряда подводного плавания Тихоокеанского флота Г. И. Сенникова

Текст дневника вмещает в себя и разбор прочитанного, и самоанализ, и прямые цитаты. Изучение личных документов эпохи Великой Отечественной войны демонстрирует, что чтение в боевой обстановке служило инструментом сброса психологической нагрузки, обеспечивало необходимую эмоциональную разрядку и позволяло переключать внимание с травмирующей реальности.

Читаем в дневнике: «1 число. Книга меня расстроила. Мне кажется, что Старцов – это ...я! *«Вот мы кончаем повесть о человеке, с тоской ждавшем, что жизнь примет его»* (Из книги Константина Федина «Города и годы») [1, с. 14].

Еще один замечательный эпизод посвящен чтению книги Гете «Страдания юного Вертера»: «Временами просто приторно. Толстой, его «Детство», книга, в которой читаешь самого себя. Гете, как и Толстой – классики мировой литературы. Я яростно защищаю Вертера. В конечном итоге мы согласились, поэтичность Вертера – манера письма. Мне понравилось одно сравнение Кольки: «Книга заставляет нас больше обращать внимание на настоящее». У нас много общего. Это меня радует. Переживания, искания, страдания Вертера не чужды в некоторой мере нам обоим. Говорим о случаях. Грустная история, рассказанная им. «Аня». *В итоге всего мы сперли книгу из кабинета, читаем по очереди на уроках и со страхом ждем, когда ее хватятся. Всыплут!* Сейчас перерыв между уроками. Мы с Колькой толкаемся в коридоре. Он сказал мне: «Знаешь, что мне понравилось в «Последних письмах Ортиса»? Поцелуй Терезы под шелковицей. Он вздохнул и задумался. Я вздохнул тоже. Потом мы взглянули друг на друга и принялись хохотать. И грустно!» [1, с. 11].

Чтение на войне, подобно другим формам культурного досуга на фронте, выполняло функцию спасательного психологического буфера. Этот защитный механизм был жизненно необходим человеку в экстремальных условиях для сохранения внутреннего баланса и поддержания боевого духа.

Чтение книг (их в дневнике юного подводника целый список) выводит нас на тему любви. Важнейший этап процесса индивидуализации – идентификация гендерная, осознания себя мужчиной (Я – мужчина). Процесс становления личности на войне сопровождается стремительным эмоциональным, психологическим и гендерным взрослением, становлением «маскулинного» в себе, идентификацией мужского начала. А начинается взросление юного подводника как мужчины с осознания, как «трудно быть парнем»:

«Ночь. (...) Мы идем по узкой обледенелой дороге, направляясь к бухте Горностаи. Больно давит на плечи пулемет. Колька идет рядом. Даже здесь он не может уgomониться и болтает какую-то блаженную чепуху: «Спит сейчас моя Аня крепким сном в своей теплой постели и не знает, как меня, грешного, в эту минуту мотает по мерзлым дорогам. Ну и пусть спит. Ты только представь, Гошка, вот проснется она, позавтракает, соберет книги, в школу отправится, а мы с тобой будем лежать в снегу, тереть уши и мучительно ждать, когда можно будет вскочить и бежать, чтоб согреться. А вечером я встречу ее и буду болтать и смеяться как ни в чем не бывало. *Черт возьми, все-таки трудно быть парнем!*» [1, с. 14].

Постоянная тема дневника – поиск любви: «Черт возьми, как хочется любви! (...) Просто мучительно хочется любить!». В дневнике есть интересная запись, в которой юноша «создает» свою возлюбленную, свой идеал, в буквальном смысле придумывает себе возлюбленную, собирая ее по «частям»: «Философствующая осина. Каждый раз, когда я остаюсь один на один с самим собой, будь то в карауле, как сейчас, или в тот сладкий момент, когда погружаешься в бездонный колодец сна, передо мной появляется она.

Темные бархатные глаза (Валя). Такие же темные, выющиеся волосы (косы). Прямой носик, рот, губы той девушки на картине неизвестного художника, которую я видел в Красноярском музее. *Нежный овал лица (Лилька)* Но назвал я ее (*вымарано*) Вероятно, потому, что не знаю ее настоящую, я могу награждать ее всеми качествами, какие хотел, чтобы у нее были» [1, с. 17].

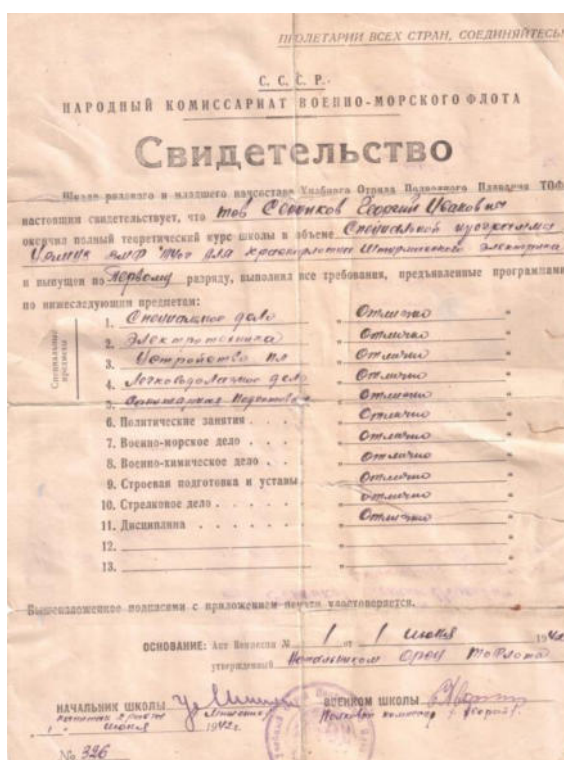

Рис. 5. Свидетельство об окончании обучения в Учебном отряде подводного плавания Тихоокеанского флота Г. И. Сенниковым 1 июня 1942 г.

Еще одна важнейшая составляющая дневника курсанта – идентификация с профессией подводника (профессиональная идентификация) «Я – подводник», ощущение себя частью «матросского братства».

«Профессиональная идентификация – это процесс самоотождествления с другими представителями профессиональной среды (реальной и идеальной) на основе устоявшихся эмоциональных связей, обеспечивающих стабилизацию профессиональной деятельности и профессионального развития» [2, с. 23–24]. Профессиональную идентификацию по-другому можно определить как процесс «врастания в профессию».

Конечно, профессиональное образование – главный официальный маркер профессиональной идентичности. По воспоминаниям близких, свидетельством об окончании Школы подводного плавания в 1942 г., в котором одни пятерки, Георгий Иванович гордился больше, чем дипломом кандидата филологических наук (Ленинград, 1964 г.).

Уже в первых записях дневника курсанта присутствует тема флота как мечты: «10 августа 1941 г. (...) Как я хотел в это время попасть на флот и как боялся, что не попаду. К своему удивлению, комиссии я прошел абсолютно без задержки. 18-го нам выдали форму. Помню, с каким я трепетом первый раз напяливал на себя полотняную тельняшку» [1, с. 4].

Тельняшка как идентификационный знак профессии матроса часто фигурирует в дневниках подводника Сенникова, а в крымской тетради 1945-1946 гг. ей посвящена целая ода. Но уже в первых записях курсант «учебки» обозначил то чувство, с которым он относился всю жизнь к морской форме вообще и к тельняшке в частности: трепет.

Романтизация моря и флотской службы выдается и в такой записи из письма юного матроса девушке Вале, чудом сохранившегося в дневнике курсанта: «У меня вот самым серьезным образом лезет борода, и голос совсем не визгливым становится. Отращу тогда себе я бакенбарды, вставлю в ухо серьгу и *запишусь в морские волки*. Жаль только, что щетина у меня на бороде не рыжая» [1, с. 22]. Кстати, письмо это, по всей вероятности, отправлено не было, возможно ввиду откровенности и интимности тона.

А ниже в дневнике идет запись, в которой дается другое осознание военной действительности, резко изменившей его судьбу, разрушившей все планы, и скепсис, и дурные мысли, которые молодой моряк пытается гнать от себя: «Я живу жизнью, разбитой помимо моей воли на отдельные кусочки, вставленные в рамки из боцманской дудки. Моряк! Романтика? Глупо...» [1, с. 18].

Романтизации флота и профессиональной идентификации юных краснофлотцев способствовали и старые морские песни, и морские анекдоты, и специфический матросский юмор. В дневник Георгий Иванович переписал одну такую песню, щедро снабдив ее рисунками:

Когда море горит бирюзой,
Опасайся дурного поступка.
У нее голубые глаза
И дорожная серая юбка.
Увидавши ее на борту,
Капитан вылезает из рубки

И становится с трубкой во рту
Возле девушки в серенькой юбке.
Говорит ей про пройденный путь,
Колебания моря и шлюпки,
А сам смотрит на девичью грудь
И на ножки под серенькой юбкой (...) [1, с. 19]».

Рис. 6. Страница 19 из дневника 1941–1942 гг. курсанта Учебного отряда подводного плавания Тихоокеанского флота Г. И. Сенникова

Предположительно, эта старая морская песня появилась в конце 1920-х гг. (не позднее 1930 г.), в дальнейшем музыкальный мотив использовался в городском песенном фольклоре. Эта песня стала неформальным гимном «матросского братства» и встречается и в первом дневнике подводника-курсанта, и в последнем – подводника-победителя, прошедшего Великую Отечественную войну. Самопрезентация матросского братства в эпизодах, зафиксированных в дневнике подводника, зачастую подается через описание реакции окружающих, которые в буквальном смысле слова «шарахаются» от «перегородивших улицу» матросов: «Мы идем шеренгой, перегородив улицу, и горланим с чувством, усердием: «Когда море горит бирюзой, // Опасайся шального поступка». Но сами его отнюдь не опасаемся. Прохожие шарахаются в сторону. Из окон высовываются любопытствующие физиономии. За нами идет толпа ребятишек» [15, с. 19].

В этой дерзкой песенке есть то, что объединяет неформальное братство моряков, то, что легитимизируется «мифологией риска», свойственной профессии подводника: бравада, даже маргинальность, жизнь на «границе», ощущения себя «бандой» (у Георгия Ивановича – «кучка отродий»), противопоставление «Мы» – «Они», готовность рисковать и даже переступить через нормы и правила.

В дневнике курсанта впервые появляется тема коллектива и зарисовки из жизни курсантов, дающие интересный материал для анализа бытовых практик. В дневнике есть карикатуры на фашистов:

«Я живу близ Японского моря
(точнее, на Чуркином мысу),
Где кончается Владивосток...
Ни черта, кроме швабры, не знаю,
Да дежурного резкий свисток
(точнее, боцманская дудка)». (...)»
«В строю я засмеялся,
Маринину попался.
Теперь не достигаю,
«Свет синий принимаю...»
«Полюбила мина «бравого» Эрнеста....
Свист...Взрыв...мокрое место». (...) [1, с. 21].

Мы видим, что, как бы трудно ни было молодому человеку, вырванному войной из привычной жизни, все-таки в дневнике идет романтизация темы моря, флотской жизни и жизни коллектива – курсантов Учебного отряда подводного плавания ТОФ («учебки», как они ее любовно называли).

Что касается именно подводного флота – тут все не так просто. Самоидентификация «Я – подводник» шла трудно и не без сопротивления. Читаем на первых страницах дневника курсанта Учебного отряда ТОФ: «Меня зачислили в подводный флот. Это несколько умаляло мою радость, т.к. я мечтал попасть на какой-нибудь миноносец, но не на эту сырую коробку, о которой я даже в то время не имел довольно правдоподобное представление» [1, с. 4].

На самой последней страничке дневника курсанта есть такая запись: «Политрук вчера целый час вытягивал из меня нервы за то, что кто-то из нас в пылу спора назвал лодку мышеловкой» [1, с. 22].

Рис. 7. Страница 21 из дневника 1941–1942 гг. курсанта Учебного отряда подводного плавания Тихоокеанского флота Г. И. Сенникова

Здесь впервые встречаются оценки-определения подводной лодки, на которой юному краснофлотцу предстояло пройти войну: сырая коробка, мышеловка. По воспоминаниям семьи, Георгий Иванович до конца дней сравнивал лодку с консервной банкой и рассказывал о том, какие из нее раздавались тошнотворные запахи из-за отсутствия вентиляции и комфорта на лодках класса «малютка» – легких малогабаритных лодках, предназначенных для действий в южных широтах и совершенно не приспособленных для войны на Севере. Тем не менее, до конца своих дней Георгий Иванович любил свою «малютку» ПЛ «М-119», на которой воевал с 1943 гг. на Северном флоте, был ей благодарен за то, что остался жив, и даже сделал макет лодки после войны и поставил его на письменный стол в своем кабинете. С участью быть подводником он не просто смирился, а буквальном смысле слова сросся. «Я – подводник» стало идентификационной сутью Георгия Ивановича Сенникова. И не случайно свою повесть, вышедшую после войны, он назвал «Мы – подводники».

В дневниковых записях за 1943 г., которые Г. И. Сенников вел в разгар войны на Северном флоте, встречаются упоминания о товарищах по «учебке», проскальзывает тоска по ним и тревога за их судьбу. Самый горький и невеселый вывод, к которому приходит оказавшийся в 1942 г. на фронте после окончания обучения в Учебном отряде ТОФ подводник – это осознание психологической неподготовленности к жестокости войны: «А вообще – глупо. Нас учили бросать гранаты, колоть штыком и т.д. Нам дни и ночи рассказывали о мужестве наших бойцов на фронте. И никто не побеспокоился просто и ясно рассказать нам, что это такое, предупредить о том, что нас ждет, подготовить к этому. А нужно бы...» [14, с. 187]. Война показала, что одного лишь знания устройства подводной лодки и работы приборов катастрофически мало. Требовалась серьезная морально-психологическая подготовка к ужасам боевых действий, которой, как явствует из текста, будущие моряки были лишены. Истинным подводником Георгия Ивановича сделали не учебные классы, а суровая школа войны, Северный флот и студеные воды Баренцева моря.

Помимо официальных подтверждений профессионального статуса (дипломов об окончании училищ и школ подплава), существует пласт неписаных правил, обязательных для подводников. Они проявляются в специфических традициях, негласных табу, ритуалах, поведенческих стереотипах, которые не прописаны ни в одном военно-морском уставе. Известно, что в современном подплаве существуют своеобразные обряды инициации, совершаемые во время первого глубоководного погружения. К таким обычаям относятся, например, традиция испить плафон забортной воды или увернуться от кувалды [25, с. 107, 206, 230]. В записях курсанта Георгия Сенникова, сделанных в 1941 году, мы не находим упоминания проведения среди учеников Учебного отряда ТОФ подобных ритуалов. Однако есть все основания полагать, что в условиях военного времени роль такого посвящения играл первый боевой выход. Реальная атака в боевом походе становилась тем экзаменом, который проверял моряка на храбрость и компетентность, давал ему право считаться «своим» в матросской среде. Не случайно в предисловии к послевоенной документальной повести Сенникова «Выстрел в бухте» командир подлодки К. М. Колосов вспоминал: когда экипаж ПЛ «М-119» вернулся из первого боевого похода, то в отношении «салаженки» и «студента» (как на флоте прозвали Сенникова) был вынесен единогласный вердикт: «Наш, в решительный момент не подведет» [18, с. 6] – это и есть знак профессиональной идентификации, знак признания в матросской среде.

Анализ дневника курсанта школы подводного плавания Г. И. Сенникова показал, что одна из важнейших функций ведения дневника – реализация задачи, стоящей перед бойцом в экстремальных условиях войны: собрать свою личность, не дать ей рассыпаться. Рассказывая себе о себе, самовыражаясь, молодой человек создавал свою личность. В данном случае военный дневник сочетается с жанром дневника процесса индивидуализации, главная цель которого – самоидентификация, поиск своей идентичности, индивидуальности («кто я»), в том числе и через

самоидентификацию с литературными героями, гендерная самоидентификация («Я – мужчина»), идентификация с профессией («Я – подводник»).

Список использованных источников и литературы

1. Архив лаборатории филологических интернет-стратегий (ЛФИС). Дневник курсанта школы подводного плавания Г. И. Сенникова. Владивосток, 1941 г. – Рукописный фонд 2. – Д. 1. – 30 с.
Arkhipov laboratorii filologicheskikh internet-strategii (LFIS). Dnevnik kursanta shkoly podvodnogo plavaniya G. I. Sennikova. Vladivostok, 1941 g. Rukopisnyi fond (RF) 2. – D. 1. – 30 s.
2. Волков Ю. Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2006. – 312 с.
Volkov Yu.G. Gumanisticheskaya ideologiya i formirovanie rossiiskoi identichnosti. M.: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2006. – 312 s.
3. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. Исследование. 2-е издание. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 280 с. // Литмир. Электронная библиотека[интернет-портал]. URL :<https://www.litmir.me/br/?b=536548&p=1> (дата обращения: 29. 03. 2026). Egorov O. G. Russkii literaturnyi dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra. Issledovanie. 2-e izdanie. M. : Flinta, Nauka, 2011. – 280 s. // Litmir. Elektronnaya biblioteka[internet-portal]. URL : <https://www.litmir.me/br/?b=536548&p=1> (data obrashcheniya: 29. 03. 2026).
4. Жаде З.А. Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. – 2007. – № 2. – С. 173–184.
Zhade Z. A. Problema identichnosti v sovremennykh sotsial'nykh teoriyakh // Filosofiya i obshchestvo. – 2007. – № 2. – S. 173–184.
5. Зайцев Ю. М. Трансокеанский переход подводных лодок ТОФ в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. – 2006. – № 1. – С. 61–74.
Zaitsev Yu. M. Transokeanskii perekhod podvodnykh lodok TOF v gody Velikoi Otechestvennoi voyny // Rossiya i ATR. – 2006. – № 1. – S. 61–74.
6. Зайцев Ю. М. Действия подводных лодок ТОФ в войне с Японией. 1945 г. // Россия и АТР. – 2006. – № 1. – С. 75–81.
Zaitsev Yu.M. Deistviya podvodnykh lodok TOF v voine s Yaponiei. 1945g. // Rossiya i ATR. – 2006. – № 1. – S. 75–81.
7. Зайцев Ю., Близниченко С. Подводник №1 Тихоокеанского флота // Морской сборник. – 2014. – № 3. – С. 34–44.
Zaitsev Yu., Bliznichenko S. Podvodnik №1 Tikhookeanskogo flota // Morskoi sbornik. – 2014. – № 3. – S. 34–44.
8. Катанаевы // Забвению не подлежит: книга жертв политических репрессий в 11 тт. – Омск, 2006. – Т. 10. – С. 242–244.
Katanaevy // Zabveniye ne podlezhit: kniga zhertv politicheskikh repressii v 11 tt. Omsk, 2006 – T. 10. – Omsk, 2006. – S. 242–244.
9. Кодан С. В. Источники личного происхождения в изучении истории советского государства и права: теоретические и методологические основы исследования // Universum Juris. – 2017. – № 1. – С. 3–30.
Kodan S. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya v izuchenii istorii sovetskogo gosudarstva i prava: teoreticheskie i metodologicheskie osnovy issledovaniya // Universum Juris. – 2017. – № 1. – S. 3–30.
10. Кузнецов А. С. Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны) / А.С. Кузнецов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 22(2). – С. 329–337.
Kuznetsov A.S. Frontovye dnevniki: sodержanie, osobennosti i potentsial istochnika (na primere istochnikov perioda Velikoi Otechestvennoi voyny) / A. S. Kuznetsov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 22(2). – S. 329–337.

11. Кутенких Н. Школа подплава ТОФ снабдила кадрами все флоты страны // Владивосток (Электронная версия газеты). – 2018. – № 4424(6129). 31 октября – URL: https://vladnews.ru/ev/vl/4424/120725/shkola_podplava (Дата обращения 20. 01. 2026).
- Kutenkikh N. Shkola podplava TOF snabdila kadrami vse floty strany // Vladivostok (Elektronnaya versiya gazety). № 4424(6129). 2018. 31 oktyabrya URL: https://vladnews.ru/ev/vl/4424/120725/shkola_podplava (Data obrashcheniya 20. 01. 2026).
12. Ливенцев Д. В. Подводный флот СССР в войне с Японией // Евразийский форум. – 2015. – С. 76–78.
- Liventsev D.V. Podvodnyi flot SSSR v voine s Yaponiei // Evraziiskii forum. – 2015. – S. 76–78.
13. Липчанская И.В. Самоидентификация человека в культуре: личностный и профессиональный аспекты // Гуманитарий юга России. – 2019. – Т. 8(36). – № 2. – С. 78–92.
- Lipchanskaya I.V. Samoidentifikatsiya cheloveka v kulture: lichnostnyi i professional'nyi aspekty // Gumanitarii yuga Rossii. 2019. – T. 8(36). – № 2. – S. 78–92.
14. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е. «Мы – подводники»: военные дневники матроса-подводника СФ Г. И. Сенникова: В 2-х т. – Т. I. Монография. – Магнитогорск: «МГТУ им. Г. И. Носова», 2021. – 308 с.
- Postnikova E. G., Lyubetskii A. E. «My – podvodniki»: voennye dnevniki matrosa-podvodnika SF G. I. Sennikova: V 2-kh tt. – T. I. Monografiya. Magnitogorsk: «MG TU im. G. I. Nosova», 2021. – 308 s.
15. Постникова Е. Г. «Мы – подводники»: военные дневники матроса-подводника СФ Г. И. Сенникова: В 2-х тт. – Магнитогорск: «МГТУ им. Г. И. Носова», 2021. – Т. II. – 344 с.
- Postnikova E. G. «My – podvodniki»: voennye dnevniki matrosa-podvodnika SF G.I. Sennikova: V 2-kh tt. Magnitogorsk: «MG TU im. G. I. Nosova», 2021. – T. II. – 344 s.
16. Семенов В. Н. Этапы развития подводных сил Российской Империи – СССР на Дальнем Востоке // Наука. Общество. Оборона. – 2020. – Т. 8, №3. – С. 34–43.
- Semenov V.N. Etapy razvitiya podvodnykh sil Rossiiskoi Imperii – SSSR na Dal'nem Vostoke // Nauka. Obshchestvo. Oborona. – 2020. – T. 8, № 3. – S. 34–43.
17. Семенов В. Н. Подводные ракетноосцы тихоокеанцев в 1958–1991 гг. // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 8. – С. 31–39.
- Semenov V. N. Podvodnye raketnostsy tikhookeantsev v 1958–1991 gg. // Voенno-istoricheskii zhurnal. – 2020. – № 8. – S. 31–39.
18. Сенников Г. И. Выстрел в бухте. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1969. – 91 с.
- Sennikov G. I. Vystrel v bukhte. – Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1969. – 91 s.
19. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология: проблемы становления новой отрасли исторического знания // Вестник РГНФ. – 2005. – № 3. – С. 7–14.
- Senyavskaya E. S. Voенno-istoricheskaya antropologiya: problemy stanovleniya novoi otrasli istoricheskogo znaniya // Vestnik RGNF. – 2005. – № 3. – S. 7–14.
20. Сенявская Е.С. Психология войны в XX в. : исторический опыт России: монография. / Е. С. Сенявская. – М. : РОССПЕН, 1999. – 648 с.
- Senyavskaya E. S. Psikhologiya voyny v XX v. : istoricheskii opyt Rossii: monografiya. / E. S. Senyavskaya. – M. : ROSSPEN, 1999. – 648 s.
21. Соколов А. К. Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. / Под ред. А. К. Соколова – М.: РОССПЭН, 2004. – 744 с.
- Sokolov A. K. Put' k sovremennoi laboratorii izucheniya noveishei istorii Rossii // Istochnikovedenie noveishei istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika. / Pod red. A. K. Sokolova. – M.: ROSSPEN, 2004. – 744 s.
22. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрОРАН. – Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2014. – 386 с.
- Surzhikova N. V. Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost'? // Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i «AsPUr», 2014. – 386 s.

23. Тажикина И. Г. «Жизнь на войне» в дневниках советских офицеров 1941–1945 гг. / И. Г. Тажикина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 4(44). – С. 150–158.

Tazhidinova I.G. «Zhizn' na voine» v dnevnikakh sovetskikh ofitserov 1941–1945 gg. / I. G. Tazhidinova // Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv. – 2015. – № 4(44). – S. 150–158.

24. Честь, отвага, мастерство: о подвигах воинов учебного отряда ТОФ // О героях былых времен: ожившие памятники Владивостока. Спецпроект DEITA.RU к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. URL: <https://deita.ru/article/569399> (дата обращения 1.04.2026).

Chest', otvaga, masterstvo: o podvigakh voinov uchebnogo otryada TOF // O geroyakh bylykh vremen: ozhivshie pamyatniki Vladivostoka. Spetsproekt DEITA.RU k 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. URL: <https://deita.ru/article/569399>

25. Щепанская Т. Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX – начало XXI). – СПб.: Наука, 2010. – 338 с.

Shchepanskaya T. B. Sravnitel'naya etnografiya professii: povsednevnye praktiki i kul'turnye kody (Rossiya, konets XX – nachalo XXI). – SPb.: Nauka, 2010. – 338 s.

Postnikova Y. G., Ivanov A. G. The Diary of a Cadet from the Pacific Fleet Submarine Training Detachment, 1941–1942: A Historical-Anthropological Aspect

The aim of the article is to undertake a historical-anthropological study of the diary, dated 1941–1942 of the cadet of the Pacific Fleet Submarine Training Unit G. I. Sennikov. The author focuses on the issues of personal, cultural, gender, and professional self-identification of the young submariner in the context of the onset of the Great Patriotic War. The scientific novelty of the study lies in the introduction of a new, previously unpublished source: the diary of the navigator electrician G. I. Sennikov, dated 1941–1942, which is kept during his training at the submarine school. The study is conducted within the frameworks of the military-historical anthropology and the anthropology of professions, employing a historical-biographical method. As a result, it is revealed that one of the most significant functions of keeping a diary is to fulfill the task a soldier facing in the extreme conditions of war: not to lose the identity and prevent its fragmenting. By narrating his own story and expressing himself, the young individual constructs his identity. In the cadet's diary the military journal intertwines with the genre of an individualization process diary, the main purpose of which is self-identification, the search for identity and individuality («who am I»), including through self-identification with literary characters, gender self-identification («I am a man»), and identification with one's profession («I am a submariner»).

Keywords: The Great Patriotic War, Pacific Fleet, submariners, front-line diary, Submarine Training Unit of the Pacific Fleet, Sennikov G. I., Vladivostok.